
Светлана Волкова

Поклонница

Рассказ

Белобокый приземистый сельский клуб стоял в самом центре Жихаревки, утопая в поздней персидской сирени, линялой и отчаянно, «с надрывом», благоухавшей всеми запасами организма. Вокруг, на расчищенном от телег и хлама пяточке, называемом местным людом «майданом», вразнобой стояли самодельные лотки под навесами, выбеленные солнцем и дождем. У канавы, напоминая лихого пропойцу, ржавел грузовичок-полуторка, отдавший концы еще прошлой осенью. День наливался ясный, жаркий.

Борька Бирман, свежий выпускник Белгородского музыкального училища, оглядел здание клуба и несмело шагнул в его темное нутро. В конце пахнущего свежей скипидарной краской коридора, у запятнанного белыми подтеками окна находилась обитая дерматином дверь с табличкой «Зав.клубом тов. Мячиков В.В.». Борька поплевал на пятерню, пригладил непослушные львиные космы и осторожно постучал.

— Войдите, — раздался хриплый басок.

— Мне бы товарища Мячикова, Вэ-Вэ, — робко просунул голову в дверной проем Борька.

— Он самый, — ответил сидевший за столом гражданин, лысоватый и идеально круглый. — Проходи. Что жмешься, будто тапки мне опозорил?

Борька протянул ему помятый листок.

— Направление вот. По распределению я.

Мячиков взял пухлой ручкой бумажку, долго, в полной тишине, читал ее, потом посмотрел на Борьку сквозь очки, такие же круглые, как и сам хозяин, и с разочарованием выдохнул:

— Пьянист?

— Ага.

— Чудненько! Хм...

Было не понятно, радуется он или досадует.

— А на гармони? На гармони можешь?

Борька стыдливо отвел глаза.

— Не могу.

Волкова Светлана Васильевна родилась в Ленинграде. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Автор романа «Подсказок больше нет» (АСТ, 2015). Печаталась в журналах «Нева», «Октябрь» и др. Живет в Санкт-Петербурге. Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 12.

Мячиков тяжело вздохнул, выплеснул из пластикового стаканчика скрепки и усопшую муху, плеснул туда коричневатой жидкости, пахнувшей давленными клопами.

— Отведай коньячку, не побрезгуй.

Борька не побрезговал. Жидкость оказалось ядреной и плохо проходимой.

— Ты ведь пойми, — придвинул ветчинный нос к Борькиному лицу Мячиков. — Доярки у нас, скотницы. Им что попроще подавай.

— Попроще? — Борька поправил очки. — Может, Рахманинов? Прелюдия до диез минор...

Мячиков поморщился.

— Ну... Или Лист. Венгерская рапсодия? А?

— Может, конечно, и рапсодия... Только опасеньце имею, что без гармонии никак... Они что там, — Мячиков ткнул пальцем в потолок, в желтое пятно у основания рогатой люстры, — не понимают конъюнктуру села?

Борька пожал плечами.

Просидели они часа три. Мячиков распался от дешевого коньяка и собственной речи, перекатывался по комнате взад и вперед, изредка рывкая в трубку противно звякавшего черного телефона, и призывал собеседника проявить сочувствие к аграриям и его, Мячиковому, персональному подвигу на посту завклубом. Борька же, быстро осоловев, лишь кивал и уже не пытался убедить его в доступности для доярок фортепьянной классики.

Сошлись на салате из Чайковского, Листа и Штрауса-сына.

— Хоть пасынка! — пьяно всхлипывал Мячиков. — Без гармонии все одно не разбуденишь их!

«Разбуденивать» трудовое население решили по субботам, после лекции о Гагарине и перед танцами. Борьку всунули аккурат посередине. Репертуар утверждал сам Мячиков, раза по три прослушивая каждое произведение и соображая, нет ли чего в нем такого, за что можно поплатиться должностью. Ничего подозрительного в Штраусе не найдя, он похлопал Борьку по плечу и выдал отеческое напутствие:

— Ты только, это, у хозяйки, у которой живешь, возьми ведро.

— Зачем? — удивился Борька.

— Народ у нас горячий. Не понравится твое бряцанье, не обессудь. А так, хоть голову ведром прикроешь... — ответил Мячиков и зафыркал, как нализовавшийся шерсти кот.

В день премьеры на стене клуба повесили афишу:

«Бирман Б.Н. Фортепьянный концерт. Чайковский, Лист и Штраус-сын. Начало в 18-00».

Под аккуратно выведенными плакатной тушью буквами вилась приписка чернилами от руки: «Кто удерет, пеняйте, суки, на себя. Вычтем трудодни». Подписи не стояло.

На «Гагарине» клуб заполнился до отказа. Внесли даже запасные скамьи. Мужики и парни — в пиджаках и штанах, заправленных в сапоги, женщины и девки — кто в чем, но обязательно в ярком. Были даже в крепдешине и с прическами. Борька оценил.

После лекции мужики потянулись с куревом к выходу, но дверь заполнил собой Мячиков, наряженный по случаю концерта в рубаху-вышиванку.

— А-ну, пруж!!! — забасил он, как на коров. — Назад! Щас культура будет!

Сельский люд побранился, но вернулся на места.

Первые пятнадцать минут слушали степенно, с суровыми лицами. Борька закончил с Чайковским, собрал неуклюжие аплодисменты и приступил к Листу. Краем глаза он косился в зал на смурные, налитые недовольством колхозные лица, и

таившаяся где-то под диафрагмой чуйка подсказывала ему, что до «сына» он может и не дойти.

Борька набрал полную грудь воздуха, ударил по клавишам, картинно запрокинув голову назад, как по его мнению полагалось делать виртуозам, уже не думая о том, что может запросто сбиться с нот, тяжело выдохнул, вернул башку в естественное положение и тут на выкрашенном зеленой краской подоконнике раскрытого окна заметил курицу.

Она сидела, наклонив пеструю голову набок и, казалось, была единственной, кто в этом зале проникся прекрасным. Борька хмыкнул, кивнул курице и принялся играть для нее. Штраус лился певуче, пианист чувствовал вдохновение, то наклоняясь к клавишам, то выпрямляясь струной. Курица слушала внимательно, на октавных пассажах закатывая глаза и чуть приоткрывая клюв.

В зале воцарилась тишина, даже лужганье семечек ненадолго прекратилось. Распаренный плотной рубашкой Мячиков, розовый, как налитой ранет, смотрелся органично на фоне развешенных по стенам агиток о сборе урожая. Борька выдал последней аккорд. Курица охнула и, закатив глаза, выпала из окна лапками кверху. Зал брызнул аплодисментами, уже немного походившими на искренние.

Борька наскоро поклонился и выбежал на улицу. Обморочная птица чуть-чуть подрагивала крыльями в пыли и совсем не реагировала на брехавшую рябом сиплую бородатую собаку. Завидев Борьку, курица встрепенулась, выдала «во-ох» и со всех ног бросилась наутек, подгоняемая смущением и невозможностью более высказаться о накрывшем ее разом чувстве прекрасного.

В следующую субботу все повторилось снова. Разве что репертуар у Борьки сменился, да на афише, над непременным «пеньяйте, суки» значилась неудобоваримая для колхозных желудков фраза: «В рамках месячника музыкального просвещения».

Курица появилась в окне с первыми аккордами Рахманинова. Сидела, пялилась на долговязую фигуру Борьки в мешковатом бархатном пиджаке и, приоткрыв клюв, тихонечко вздыхала. Борька выделявал длинными пальцами виртуозные кренделя, тряс напомаженными по случаю концерта космами и нет-нет да и кивал курице, мол, мы-то с тобой одни понимаем музыку. Курица соглашалась, прикрывала веки, а когда Борька перешел к финальной части все той же переложенной для фортепиано «Польки» Штрауса-сына, замерла, будто выключили в ее нутре дыхательный вентилятор, а на последних аккордах охнула и потеряла сознание. Только лапки в окне и промелькнули.

Колхозники загромыхали ладошами.

Борькина жизнь в Жихаревке усердиями Мячикова была заполнена настолько, насколько это вообще было возможно: по будням он вел два музыкальный кружка для детишек и два для взрослых, репетиторствовал с толстой румяной дочкой председателя колхоза и еще горсткой околоначальственной детвы, а по субботам непременно давал концерты. За три месяца, определенными какими-то высшими силами, недовольными Борькой, в качестве жихаревской ссылки, он переиграл все, что выучил в училище и доучил «по ходу дела», и не было ни одного такого дня, чтобы не приходила его послушать пестрая курица. Она вздыхала, наклоняла голову набок, прикрывала глаза на глиссандо и октавных пассажах, а заслышав последние аккорды штраусовосыновьей «Польки» охала и выпадала из окна в полном и счастливейшем птичьем обмороке.

Борька дал ей имя — Элоиза и не без труда, через местного почтальона, выяснил, что курица принадлежала бабке Луковой, и что эта самая Лукова курицей своей в последнее время недовольна, потому что та перестала нестись и шляется, шалава, где попало.

— Ты, Элоизка, давай, от обязанностей своих не отлынивай! — отчитывал Борька

лежащую под окном курицу после очередного концерта. — Яйца, слышь, носи давай! А то в суп пустит тебя Лукова!

Курица медленно приходила в себя, поднимала осоловелые глаза на Борьку и, когда до ее сознания доходило, что это сам маэстро, выдавала неизменное «во-ох», вскакивала, обдав его пыльным облаком, и со всех ног неслась прочь.

— Жениться тебе надо, — качал головой Мячиков. — И в город валить. Пропадешь здесь. В городе хорошо. Там филармония. Заведешь полезные знакомства...

Мячиков произнес «заведешь знакомства» с такой кислой физиономией, как если бы сказал «заведешь вшей», поморщился и продолжил:

— Напишу тебе ходатайку в райком.

И не обманул. Написал.

По осени, когда закурились красной дымкой деревья, а дождь прибил тяжелую пыль к земле, пришел Борьке ответ из города, что берут его каким-то младшим, очень младшим кем-то при филармонии. Борька на радостях, как положено, решил проставиться. Собрал почти всю Жихаревку в клубе, на заработанные деньги купил водки, а уж овощи и пироги местные нанесли с лихвой, как на Маланьину свадьбу.

Далеко за полночь, когда от выдохов «провожающих» падали замертво ядренные мясные комары, кто-то пискнул: «"Полечку", "Полечку" сбациай!»

Хмельной Борька подсел к роялю и ударил по клавишам.

С первыми аккордами на подоконнике возникла Элоиза, как будто нарочно сидела под окном и ждала. Малопьющий по жизни Борька играл старательно, по памяти, но водка взяла свое: не доиграв до конца он икнул и на последних секундах выдал пару фальшивых нот. Колхозный люд этого не заметил. Но заметил сам Борька. Взяв финальный аккорд, он минуту сидел, уставившись в лакированную челюсть рояля, и не решался посмотреть на окно. Когда же решился, то к ужасу своему заметил Элоизу, не упавшую в обморок, а сидевшую прямоенько на подоконнике и глядевшую на Борьку удивленными округлыми глазами.

Борька встал, опрокинув табурет, и виновато пожал плечами. Элоиза спрыгнула с подоконника на землю, веерно взмахнув короткими крыльями, и, переваливаясь с боку на бок, пошла от клуба прочь. В свете тусклого фонаря Борька к досаде своей заметил, что она ни разу не обернулась.

Через месяц Мячиков написал ему в письме, что Лукова хвасталась, мол, курица ее пестрая взялась за ум и начала приносить ежедневно яйца, беленькие и хорошенькие, как ангельское темя. И что больше со двора не бегала.

Много лет спустя Борис Натанович Бирман, ставший известным пианистом, перебрался в Москву, завел импресарио, с успехом гастролировал по Европе и Америке, но непременно каждый концерт заканчивал фортепьянной версией «Польки» Штрауса-сына. Внимательный зритель мог бы заметить, что на последних аккордах маэстро набирал в грудь воздух и краем глаза косился на ближайшее окно — фальшивое или настоящее, стрельчатое или круглое, после же недовольно выпячивал нижнюю губу и выдыхал тихонечко: «Во-ох».